

РЕГУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ, НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ И НЕРОДНЫЕ ДЕТИ В ДВОРЯНСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЬЯХ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ю.В. ЗОЛУХИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: zolotuhina.j@mail.ru

В статье анализируется изменение отношение общества к регулированию рождаемости и незаконнорожденным детям в XIX – начале XX вв. Рассмотрено положение в семьях незаконнорожденных и неродных детей, взаимоотношения с неродной матерью.

Ключевые слова: регулирование рождаемости, незаконнорожденные и неродные дети, дворянские и крестьянские семьи.

Семейная жизнь в традиционном обществе и обществе модерна неотъемлемо связана с рождением и воспитанием детей. Дети, рожденные в браке, это главная ценность семьи и общества. Многодетность освящалась церковью, а уклонение от рождения детей, тем более прерывание беременности, считалось грехом. Русская народная пословица предостерегала: «У кого детей нет – во грехе живет». Кроме продолжения рода, как главного богоугодного смысла семьи, и у дворян, и у крестьян имелись экономические соображения, способствовавшие многодетности. Без взрослых сыновей хозяйство не имело шансов стать зажиточным, только большая семья полагали крестьяне, могла рассчитывать на благосостояние. Без детей крестьянина в старости ожидала нужда, потому что после 60 лет у него забиралась земля, по крайней мере частично, для нового поколения. Согласно этическим и правовым нормам, сын должен был материально содержать престарелых, немощных родителей, а дочь ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Это в полной мере относилось и к дворянским семьям. Так в действительности и было.

Уклонявшихся от этой обязанности детей община, крестьянский суд, а до отмены крепостного права помещики и администрация принуждали к выполнению своего долга перед родителями. Без детей старики могли рассчитывать только на помощь общины и родственников, но ее хватало ровно настолько, чтобы не умереть с голоду. Не менее тяжело приходилось на закате жизни бездетным дворянам и дворянкам. Они вынуждены были продавать свои имения или завещать их своим родственникам с условием доживать свой век под их опекой и заботой. Однако не всегда эта забота была по сердцу родственникам, да и бездетным старикам тоже. Поэтому именно дети служили для дворян и крестьян как бы страховым полисом, который обеспечивал их в старости. При отсутствии сыновей разрешалось усыновление, а если все дети были дочерьми, то принятие в семью зятя. Усыновление у крестьян проходило по приговору общины и в этом случае освобождало семью от воинской повинности. Приемные дети рассматривались как родные и не подвергались никакой дискриминации. В народе говорили: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил».

Чтобы обеспечить старость, крестьяне считали необходимым иметь как минимум три сына. Как они говорили: «Первый сын – Богу, второй – царю, третий – себе на пропитание». Имелось ввиду, что первый сын, скорее всего, умрет в младенчестве, второй пойдет служить в армию, в старости можно рассчитывать лишь на третьего сына. Согласно демографическим подсчетам конца XIX в., до 1 года доживали 70 % родившихся мальчиков, до 21 года – возраста призыва на воинскую службу – 49 %, до 45 лет – до того момента, когда старому отцу понадобится помощь сына, 40 %¹. Единственного сына в армию не брали. Вот и получалось, что при нормальном ходе дел из трех сыновей только один мог помочь в старости. Смертность женского населения была лишь немногим меньше, поэтому из трех дочерей в старости можно было полагаться тоже на одну.

В России в рассматриваемый период во всех сословиях резко отрицательно относились к внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, не узаконенные через последую-

¹ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 120–134.

щий брак, считались незаконнорожденными. Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, в особенности девушке, родившей ребенка вне брака, и ее семье грозили позор, презрение окружающих, а без помощи родителей и нищета. Нередко она была вынуждена покинуть семьи и место жительства, становиться проституткой, подкидывать ребенка или в отчаянии убивать его. Женщины, забеременевшие не от мужа, пытались вызвать искусственный выкидыш, обращались к знахаркам, чтобы избавиться от плода. Незавидна была и судьба незаконнорожденных детей, так как родители «согрешившей» матери часто отворачивались от нее и от ее ребенка, ни отец, ни государство, ни община по закону не обязаны были содержать внебрачных детей. Они жили париями, их презирали, высмеивали, награждали унижительными кличками. Однако при достижении совершеннолетия мужчины в крестьянской общине получали земельный надел наравне с другими².

Принято считать, что женщины в дореволюционной России не делали аборт, а подавляющее большинство их даже не знало о возможности искусственного прерывания беременности и противозачаточных средствах до 1920-х гг.³ Также считалось, что только богатые и образованные женщины стали обращаться к этим средствам в конце XIX в., вызывая возмущение общественных деятелей и врачей, которые доказывали, что презервативы вредны для здоровья, и советовали лучше совсем отказаться от чувственных удовольствий, чем осложнять жизнь болезнями⁴. Но нам также известны факты о том, что на протяжении нескольких столетий русским женщинам были известны следующие способы предотвращения беременности: механические (поднятие тяжестей, прыжки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т.п.), лекарственные (от различных трав до ртути и фосфора, употребляемых внутрь), вытравливание плода, удлинение лактационного периода и аборт. И это было характерно не только для простого народа, но и для женщин более высоких сословий⁵.

Долгое время к аборту отрицательно относились не только законодательство и церковь, но и врачи. Так, в 1889 г. на III съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова аборт был признан «нравственным и социальным злом». Однако, не смотря на законодательство и другие запреты, у людей была потребность регулировать деторождение, и они регулировали, хоть и не совсем совершенными методами. Информация об этом весьма скудная, так как по духовным законам все средства предотвращения беременности считались грехом, а по гражданским законам аборт был запрещен и уголовно наказуем, причем привлекались к ответственности, как врачи, так и пациенты. Но уже через 24 года заседатели XII съезда русских врачей выступили за отмену уголовного преследования врачей и пациентов за производство аборт. А еще через семь лет аборт в России легализовали⁶.

В пореформенной России, где нередки были как «романы» дворянина с представительницами непривилегированных сословий, так и «свободные союзы» равных, часто складывалась ситуация, когда в семье воспитывались родные братья и сестры, один или несколько из которых были незаконнорожденными, а другие – законными. В данных о крещении до конца 1880-х гг. тщательно фиксировался факт незаконного рождения ребенка. Даже у женщин, состоящих в браке, ребенок мог быть записан как «прижитый блудно». Поэтому женщины и стремились избавиться от ребенка. На ранних стадиях беременности женщины пили отвары пороха, селитры, керосин, песок, мелко истолченное стекло, глотали серу, сулему и даже ртуть, прыгали с высокой лестницы, забора. Порой это кончалось смертью несчастной. Если ничего не помогало – новорожденного убивали⁷.

Исследование мемуарной литературы и беллетристики показывает, что предотвратить беременность или избавиться от нежеланного ребенка пытались те женщины,

² Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. С. 233.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. СПб., 2004. С. 181.

⁴ Вишневецкий А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 117.

⁵ Милотин В. Избранные произведения. М., 1946. С. 93–94.

⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 182.

⁷ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 50.

которые вступали во внебрачные половые отношения, так как родить вне брака считалось большим позором как для самой женщины, так и для ее родственников. Достаточно ярко эта ситуация описана в романе В. Крестовского «Петербургские трущобы»: княжна Анна Чечевинская жила в деревне с отцом. Приехавший туда по делам князь Шадурский соблазнил Анну, но вскоре уехал. Через некоторое время от пьянки отец Анны умер, и ее мать с братом забрали в город. Увидев кн. Шадурского Анна сказала о своей беременности, но он ответил, что его это не касается. Анна до последнего, чтобы мать не узнала, утягивала живот корсетом. Она родила в тайном приюте ребенка, которого ее горничная отнесла в дом кн. Шадурского. Жена князя сразу поняла, что это его ребенок и упрекала его, хотя сама в это время была беременна от другого. Мать Анны, узнав о случившемся, прокляла ее, сказав, что больше она ей не дочь⁸.

Доля незаконнорожденных детей, зарегистрированных православными священниками, в общем числе новорожденных в конце XVIII – первой половине XIX в. колебалась от 2 % в Киевской губернии до 7 % в Московской губернии, составляя в среднем по Европейской России около 3,3 %. В пореформенное время в Европейской России она устойчиво сокращалась: в 1859–1863 гг. – 3,4; в 1870 – 3,0; в 1885 – 2,7; а в 1910 – 2,3 %. По мнению того же исследователя, это объясняется увеличением числа женщин систематически прибегающих к всевозможным противозачаточным средствам и мерам⁹.

Безысходная нищета и травля обществом заставляли женщин, имевших детей вне брака, совершать столь страшные преступления. Официально такого ребенка называли незаконнорожденным, а простой народ это маленькое и беспомощное существо как только не нарекал. Злословие не щадило ни мать, ни ребенка. Разъяренные мужья, уличив супругу в измене, могли поступать с ними, как заблагорассудится: избивать и мучить, унижать и постоянно напоминать о совершенном «грехе». Байстрюк, бастард, безбатешный, безотцовщина, подзаборник, заугольник, пауголок, половинкин сын, «сколотные» дети, ублюдок – это малая толика кличек, которые ребенок, став взрослым, нес через всю свою жизнь. Пару веков назад в России таких детей называли «ззорными», а внебрачных детей дворян – воспитанниками, хотя от этого судьба их не становилась радостней¹⁰.

Подтверждение этому находим в рассказе М.Е. Васильевой: «Знакомство с родственниками не внесло в мою жизнь улучшения, а наоборот только еще больше ее испортило. Теперь не только хозяин и мастеровые, но и наши дворники и даже их дети, узнали, что я незаконнорожденный, и при всяком удобном случае спешили мне бросить в лицо ту же самую позорную уличку, какой меня обозвал муж тети Нины. После знакомства с родственниками я стал чувствовать себя еще больше обиженным и брошенным, и жизнь в мастерской мне до того опротивела, что иногда мне приходило в голову лишить себя жизни»¹¹.

По закону внебрачные дети дворян не имели права ни на дворянство, ни на фамилию отца. Причем по особым ходатайствам дворянство для них оказывалось получить легче, чем фамилию (поскольку последнее могло вести к ущемлению интересов других представителей рода). Возникла необходимость создавать новые фамилии, которые в мужском потомстве становились фамилиями новых дворянских родов. Фамилии эти иногда «выкраивались» из родовых прозваний отцов. Так, сын князя Репнина получил фамилию Пнин (в будущем известный литератор), а сын князя И. Трубецкого и шведской графини Вреде – Бецкой (будущий президент Академии художеств)¹². Как незаконнорожденный, но признанный отцом, Иван Иванович получил «усеченную» фамилию Трубецкого. А.А. Фет родился в имени Новоселки Мценского уезда Орловской губернии. Был внебрачным сыном помещика Шеншина и в 14 лет по решению духовной консистории получил фамилию своей матери Шарлотты Фет, одновременно утратив право на

⁸ Крестовский В. Петербургские трущобы: книга о сытых и голодных. Кн. 1. Ч. 1–4. Смоленск, 1994.

⁹ Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 182–183.

¹⁰ Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 51.

¹¹ Васильева М.Е. Замученный. (Записки незаконнорожденного) // Исторический вестник. 1908. Т. 112. С. 87.

¹² Водарский Я.Е. Указ. соч. С. 65–66.

дворянство. Впоследствии он добился потомственного дворянского звания и возвратил себе фамилию Шеншин, но литературное имя – Фет – осталось за ним навсегда¹³.

Зачастую не менее несчастной было детство и рожденных в браке детей, если им приходилось жить с мачехой. Высокая смертность была характерна в рассматриваемый период российской истории не только для детей, но и для взрослых. Женщины умирали в обычной жизни чаще мужчин, так как подрывали свое здоровье многочисленными родами. А потому малолетние дети чаще оставались с отцом, который вскоре приводил в дом новую жену, не всегда становившуюся доброй и заботливой матерью для них. Поэтому неудивительно, что в народе появилось новое слово для обозначения неродной матери – мачеха. При этом следует отметить, что это слово обычно в обыденной жизни имело негативно окрашенное смысловое значение.

С горечью пишет о своем детстве В.М. Чернов: «Мама умерла, оставив на руках отца пятерых ребят, из которых старшему было лет девять, а мне, младшему, около года. Детям нельзя было оставаться без материнского глаза: оставалось лишь жениться. Ему нашли невесту, подходящую для человека в годах обремененного кучей детей. То была засидевшаяся в девицах, разбитная, хозяйственная и пышная поповна. По рассказам брата и сестер, в начале брачной жизни – она к нам была достаточно внимательна и добра. Но по мере того, как у нее появились свои дети, она вырабатывалась в совершенный, классический тип мачехи сумрачных русских песен и сказок. У нее, прежде всего, развивалась больно уязвлявшая нас вражда ко всему, на чем была печать принадлежности нашей матери. ...Нельзя сказать, чтобы за нас некому было вступить. Какие-то шаги делал мой крестный отец – мы об этом узнали по сердитым выходкам мачехи, пенявшей отцу, что он позволяет чужим вмешиваться в их семейные дела. После этого крестный стал появляться все реже и реже, а потом и вовсе перестал. Вскоре ей удалось нанести нам первый очень жестокий удар: выдворить из дома нашу любимицу и вечную хотя тихую заступницу бабушку. Отца убедили, что для самой бабушки лучше уйти из тесного и многодетного дома. Но не подметил отец того, чем она была для нас и какая это была для нас утрата. А мы... осиротели второй раз. Отцу подвернулось наследство: двухэтажный деревянный дом. И у нас создалась – как шутливо говорили мы уже взрослыми – «двухпалатная система». Верхнюю палату образовали отец, мать и ее дети. Нижнюю – мы и часть прислуги. Сходились мы вместе редко, почти что только для обеда, бывшего для нас натянутым и скучным ритуалом»¹⁴.

Т.П. Пасек также оставила воспоминания о жизни с неродной матерью: «После смерти матери, отец женился второй раз. Просил, чтобы его новую жену я называла матерью. Я отказала. С этого времени значение мое в доме отца на много градусов снизилось. Это проявлялось бессознательно, во взгляде, в движении, в какой-то едва заметной, небрежности. От природы не властолюбивая, но склонная к жизни внутренней, я видела утрату своего значения без сожаления, и большую часть времени проводила у себя в комнате. Отсутствие мое из домашнего кружка едва замечалось»¹⁵.

Мемуарная литература дает примеры и иного рода, когда мачеха принимала неродных детей как своих, даря им тоже тепло и ласку, что и родным детям. «Я был воспитан в зажиточной семье помещика Т. Губернии. Сюда привезли меня годовым ребенком из северной столицы. Хилого, замученного и приговоренного к смерти мальчика чужие добрые люди приняли в свою семью, нарекли своим, отогрели и поставили на ноги. С тех пор эта семья и все мои близкие стали моими родными. Сюда нес я любовь и ласку, здесь находил я утешение и поддержку. До последней их минуты жизни я был для них горячо любимым «приемным сыном», племянником, а они для меня милыми и дорогими дядей и тетей»¹⁶. Также очень теплые воспоминания о жизни с неродной матерью у А.В. Левицкой «После того как папа овдовел, имел 7 человек маленьких детей, он решил жениться. Его выбор пал на прекрасную княжну Анну Александровну Ливен, которая стала нам настоящей матерью. У нее родилось двое детей и вскоре она, к нашему сожалению»

¹³ Фет А. Воспоминания. М., 1983.

¹⁴ Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Минск, 2004. С. 17–20.

¹⁵ Пасек Т.П. Из ранних лет, из жизни дальней // Русская старина. 1873. № 3. С. 295–296.

¹⁶ Глинский Б.Б. Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т. 58. С. 59–60.

нию скончалась»¹⁷. Последние примеры свидетельствуют, что отношение мачехи к неродным детям было обусловлено исключительно личным отношением женщины, а также позицией отца.

Таким образом, в России в XIX – начале XX вв. в условиях перехода от традиционного общества к обществу модерна происходила заметная трансформация отношения рождению детей, в том числе и вне брака. При сохранении традиционных семейных ценностей в дворянской и крестьянской среде наблюдается устойчивая тенденция к сокращению числа детей в семье. Для этого все шире стали использоваться самые разные способы регулирования рождаемости, в том числе и безопасные для здоровья женщины. С другой стороны, отмена крепостного права, негативные стороны роста миграционных потоков, индустриализации и урбанизации существенно влияли на снижение моральных запретов. Продолжился рост численности детей рождавшихся вне брака или от других отцов. При этом наблюдается и некоторое постепенное смягчение отношения общества к ним и их матерям, как со стороны государства, так и общества.

BIRTH-RATE REGULATION, ILLEGITIMATE AND NON-OWN CHILDREN IN THE NOBLE AND PEASANTS` FAMILIES IN THE XIX – EARLY XX CENT

Yu. V. ZOLOTUKHINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

The author analyzes the change in the society`s attitude towards birth-rate regulation and non-own children in the XIX – early XX centuries. Position of the illegitimate and non-own children in families, as well as relations with the stepmother are considered.

Keywords: birth-rate regulation, illegitimate and non-own children, the noble and peasants` families.

¹⁷ Левицкая А.В. Воспоминания // Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. М., 1999. С. 255.